

Келдыш, В.А. (2019). *Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века*. М.: ИМЛИ РАН.

Natalia Arsentieva, *University of Granada*
arsnat@ugr.es

Книга В. А. Келдыша является научным анализом критической литературы о Достоевском в академической идейно-авторитетной и эстетико-элитарной периодике, а также работ представителей русского религиозно-философского Ренессанса в историческом освещении от откликов, опубликованных еще при жизни писателя, до послереволюционной критики. Хотя автор ссылается на неполноту сообщаемых библиографических данных, книга дает достаточно глубокое представление о вхождении Достоевского в мир литературы и отражает взгляд на его творчество российских литературно-общественных кругов. Задача, стоящая перед исследователем, чрезвычайно сложна, так как каждое произведение великого писателя порождало с самого начала его литературной деятельности многообразные и даже взаимоисключающие суждения.

Осенью 1846 года молодой Достоевский, окрыленный поддержкой Белинского, Некрасова и Григоровича, готовит к печати свой первый роман «Бедные люди», благожелательно принятый критикой. Он полон новых замыслов, однако публикация повести «Двойник» уже встречает непонимание. Белинский недоволен фантастической условностью произведения, признавая все же, что оно обнаружило «бездну ума и истины», критики – «почвенники» Шевырев, Аксаков, Григорьев считают ее незрелой, в газетно-журнальных статьях она названа сочинением «патологическим, терапевтическим, но несколько не литературным». Несмотря на неблагоприятные отзывы, Достоевский отдается на волю творческого вдохновения: «Теперь более оригинальные, живые и светлые мысли просятся из меня на бумагу», и несмотря на условия нужды и безденежья, работает не из конъюнктурных соображений, а от избытка творческой полноты. Он пишет новую повесть, работа над которой идет «свежо, легко и успешно»: «Я пишу мою „Хозяйку»,- сообщает он брату,- Уже выходит лучше „Бедных людей“. Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души» (Письмо от янв. — февр. 1847). Однако «Хозяйка», также не удовлетворила критику. «Что это такое - злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-нибудь небывалой дороги?,-писал В.Г. Белинский в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года». В письмах он ещё более резко критиковал повесть: «что-то чудовищное», «мерзость», «ерунда страшная» (Белинский В. Г., Т. 126: 421, 467). Напротив, В.Н.Майков одобрительно отзывается о новой прозе.

Подобные противоречивые суждения о раннем периоде творчества Достоевского в прижизненной критике находят объяснение в рецензируемой книге В. А. Келдыша: «В столкновении мнений вокруг Достоевского активно выразились...острейшие идеологические конфликты русской жизни» (11). Разрешая задачу выявить

общие тенденции в восприятии Достоевского, автор исследования анализирует интерпретации его творчества в современной писателю критике, которая существенно различается по эстетико-философской и социально-политической ориентации. Если вначале радикальная критика, по мысли В. А. Келдыша, была недовольна отходом Достоевского от социальной темы и принципов «натуральной школы» в область психологии, анализа природы души и условных форм художественного выражения, то после выхода в свет романа «Бесы» она обрушилась на автора за клевету на радикально и нигилистически настроенную молодежь. Споры вокруг нашумевшего романа, как показывают автор книги, поставили Достоевского в эпицентр внимания и во многом выходили за рамки чисто литературных дискуссий. Проследив эволюцию взглядов демократической критики на Достоевского в течение первых десятилетий XX века, В.А. Келдыш отмечает нарастание агрессивного неприятия творчества Достоевского как реакционного, наносящего вред общественной мысли.

В противовес критике радикального направления литературная критика консервативного толка, как показывает автор книги, пересмотрела точку зрения на Достоевского уже в 50-60 годы XIX века, признав его литературный талант, самобытность и глубину, несмотря на неоднозначную в целом и поверхностную интерпретацию его творчества. Если одни упрекали его в исключительности и фантастичности характеров, то другие в излишней типизации и обобщенно-символическом методе изображения. Одни считали его идеалистом, другие, наоборот, отказывали его произведениям в наличии эстетического идеала, упрекая в мрачном болезненном восприятии действительности и сосредоточенности на наиболее уродливых ее проявлениях. Из анализа огромного по объему фактического материала, проведенного автором книги, а также приведенных им высказываний писателя об искусстве, становится ясно, что эстетическая мысль Достоевского намного опережала художественное сознание его времени, и прижизненная критика была в целом еще неспособна по достоинству оценить степень его литературного новаторства. В 1834 году Белинский писал о том, что в России нет литературы. Достоевский обрушился, как снежная лавина, на голову читающей публике, и критика не оказалась готовой к его восприятию, однако в ней уже закладывались основы дальнейшего изучения его поэтики и творческого метода, прежде всего в мнениях о нем таких крупных современных ему художников слова, как Толстой, Тургенев, Щедрин. В своей оценке прижизненных критических работ и мнений о Достоевском автор книги умеет отделить зерна от «плевел», обнаруживая даже в отрицательных отзывах крупинцы истины и содержащиеся в них в зародыше мысли и идеи, которые впоследствии разовьются в такие важные проблемные разделы науки о Достоевском, как автобиографизм, идейно-тематическое своеобразие, эстетический эксперимент и творческий метод. В «Историях русской литературы» конца XIX-начала XX века Достоевский уже выделяется, по наблюдению В.А. Келдыша, из общего числа писателей, как и Толстой, и в порубежную эпоху считается по общему убеждению, учителем и пророком.

Новый этап в осмыслении творческого метода Достоевского, по мнению В. А. Келдыша, возникает в модернистской критике, которая, не подвергая уже никакому сомнению его художественное дарование, сосредоточила свое внимание на природе религиозно-философских исканий писателя, так как отход от реализма «натуральной

школы» связывался новым поколением писателей и критиков с особым подходом Достоевского к изображению человеческой личности на основе синтеза научных познаний в области поведенческой психологии и веры в трансцендентную основу мира. Заслуга В. Соловьева и младосимволистов видится В. А. Келдышу в определении ключевой проблематики творчества Достоевского, в центре внимания которого стоял вопрос веры и неверия как критерия истины. Несмотря на всеобщее признание мастерства писателя, литературно-критическая мысль о Достоевском порубежного периода не свободна от полемики, в центре которой стояла проблема гармоничности или антиномичности его художественного мышления. В книге также зафиксированы ценные суждения критиков, не принадлежащих к модернизму, но сближающихся с ним по творческим установкам. Большое внимание уделено полемике вокруг Достоевского в работах русских философов Серебряного века, каждый из которых, по наблюдению исследователя, выносил свое суждение о духовном мире писателя, исходя из собственных субъективных представлений о мире и человеке. Так, Бердяев делал Достоевского предтечей созданного им философского течения «персонализм». Достаточно тенденциозен и подход П. Флоренского к восприятию художественных идей и образов Достоевского. Подробно останавливается автор на осмыслении рецепции Достоевского в работах Л. Шестова, интерпретации которого существенно отличаются от той религиозно-мистической атмосферы, которую создали вокруг писателя символисты. Еще одной перспективной темой исследования творчества Достоевского в порубежный период становится, по мнению В. Келдыша, его сопоставление с Ницше, как в плане притяжения, так и отталкивания, а также предпринятая Д. Мережковским колоссальная задача выявления своеобразия художественного мира Достоевского и Толстого как столпов русской литературы. В отдельную главу выделены исследователем два полюса мысли о Достоевском Мережковского и Вяч. Иванова. Такое внимание к двум историкам культуры начала XX века закономерно, так как они закладывают основы достоевковедения как науки в свете теории искусств. Если Мережковский отмечает прежде всего то, что писатель тяготеет к «возрождению вечно идеального искусства» (197), то есть к античной эстетике, то Иванов идет дальше, стремясь к разгадке природы мистико-религиозной доктрины, заложенной в творчестве Достоевского, через его мифопоэтику, будучи озабочен «сутью общей концепции его творчества». Однако обоих писателей и критиков объединяет, по словам В. А. Келдыша, «общее ощущение мира Достоевского как вершинного художественного постижения духовной жизни человека в ее антитетичности (194). При всем многообразии откликов на творчество Достоевского рубежа веков, именно в этот период, по убеждению ученого, был перекинут мост между ним и духовной культурой нового столетия благодаря заложенной в критике Серебряного века мысли о «философичности видения мира в творчестве писателя <...>, пронизывающей образную ткань его сочинений» (7).

Данный отзыв, безусловно, не может претендовать на полноту всех поставленных в рецензируемом издании проблем рецепции творчества Достоевского в русской литературно-критической мысли XIX-начала XX века. Ясно одно: снабженная построчными комментариями, касающимися истории вопроса и поглавным списком литературы, книга В. А. Келдыша является событием в научной жизни и полезна

не только как добротное исследование истоков современного отечественного дostoевсковедения, но и как глубокий анализ малоизученной еще литературно-критической мысли Серебряного века.